

Воркачѳв С. Г. (Краснодар, Россия)

**СЕМИОТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА
И ТЕРМИНОСИСТЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ**

Рассматривается эволюция термина «концепт» и усложнение семантической структуры последнего через добавление к его понятийному содержанию образной и языковой составляющих. Устанавливается, что с превращением концепта в лингвокультурный семиотическая структура вновь полученного знакового образования становится многослойной, поскольку здесь означающее само по себе представлено знаковой единицей – словом, у которого есть план выражения и план содержания. В работе также ставится проблема соотношения значения слова и семантического наполнения концепта.

Описывается терминосистема лингвокультурной концептологии как «контрастный фон», позволяющий отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина, выделяются общепрофессиональные и узкопрофессиональные терминологические единицы. Устанавливаются причины превращения имени «концепт» в базовый термин лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурный концепт, знак, означающее, означаемое, образ, значимость, лингвокультурная концептология, термин, псевдотермин, терминосистема

SERGEY G. VORKACHEV (KRASNODAR, RUSSIAN FEDERATION). SEMIOTICS OF THE CONCEPT IN ANTHROPOLOGICAL LINGUISTICS AND THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY. The evolution of the term “concept” and complication of its semantic structure through addition of imagery and language components to its notional content is considered; it is claimed that semiotic structure of the new formation becomes multi-layer because the signifier itself is represented by the bilateral unity here; the problem of correlation of the word meaning and concept semantics is set.

Terminological system of linguocultural conceptology as a contrastive background allowing to distinguish a linguocultural concept from a pseudo-term of the same name is described; common and specialized disciplinary terminological units are studied. The reason of transformation of the name “concept” into the basic term of anthropological linguistics is established.

Keywords: concept, concept in anthropological linguistics, sign, signifier, signified, image, valeur, linguocultural conceptology, term, pseudo-term, terminological system

1. Введение

Базовая единица лингвокультурологии как дисциплины, изучающей *in grosso* этнический менталитет носителей языка через их язык, – *концепт*, по умолчанию лингвокультурный. Основное отличие *лингвокультурного концепта* (ЛК-концепта) от концепта вообще состоит, прежде всего, в очевидной и непосредственной связи первого с выразительными средствами языка. В то же самое время семиотический статус ЛК-концепта как многомерного семантического образования остаётся в достаточной мере неопределённым.

В российской лингвистике недавних лет термин *ЛК-концепт* превратился в некий своего рода «модный брэнд» и, естественно, объект контрафакта – «такое сейчас носят» и «такое сейчас подделывают». Поэтому было бы интересным разобраться в качестве «фирменного продукта».

2. Обсуждение

На сегодняшний день связь концепта, в какой бы эвристической ипостаси – философской, логико-математической, культурной или лингвистической – он ни являлся, со знаковыми системами представляется совершенно естественной (см.: Степанов 1997: 21; Карасик 2013: 93–101). В то же самое время эта связь, интуитивно в достаточной степени очевидная, нуждается в конкретизации и квалификации как со стороны дисциплинарной разновидности концепта, так и применительно к общей теории знака.

Концепт в классической логике и в нетерминологическом, свободном употреблении – синоним *понятия*, и в таком качестве он просуществовал до появления математической логики и логической семантики, где концептом стали называть смысл имени (термина) в отличие от его денотата (см.: Черч 1960: 19).

Дальнейшая эволюция имени *концепт* происходила за счет его атрибутивного расширения, когда *концепт* сначала стал «культурным концептом», а затем и «лингвокультурным». В ходе

этой эволюции семантическая структура концепта количественно и качественно усложнилась: к его понятийному содержанию, отражающему дефиниционно существенные признаки объекта, добавились образная составляющая, включающая культурно значимые символические и ценностные смыслы, и собственно языковая, которую *à faute de mieux* можно назвать «значимостной» – отражающей включённость имени концепта в лексическую систему конкретного естественного языка.

В самом широком и общем понимании, в которое успешно «вписываются» все семиотические теории, начиная от Античности и до наших дней, знак – это нечто, позволяющее субъекту постичь нечто другое. В этом определении присутствуют три основных термина всех знаковых теорий: «нечто», «другое» и «познавательная способность субъекта». Этой дефиниции не противоречит понимание знака в стоической доктрине как логической импликации – «если имеется дым, значит, должен быть и огонь; именно поэтому дым есть знак огня», не противоречит ей и понимание Аристотелем вербальных знаков (слов) как языковых выражений для душевных впечатлений, и понимание знака св. Августином как вещи, которая помимо формы, запечатлеваемой в чувствах, дает из себя узнать нечто другое, и понимание знака Ф. Соссюром как соединения смысла и акустического образа, и все три знаковых разновидности (знаки-индексы, знаки-иконики и знаки-символы) основателя современной семиотики Ч. Пирса.

Различия в понимании знака начинаются в частности: в таких, как круг «пользователей» знака, характер связи одной стороны знака с другой и качественная природа означающего и означаемого. По любому из этих признаков различаются «широкое» и «узкое» понимания знака: как «знака» и «собственно знака», как «знака» и «незнака».

По «кругу пользователей» в «узком» понимании знаками оказываются лишь те семиотические сущности, у которых есть помимо получателя (интерпретатора) также и отправитель (коммуникативная интенция) и которые выступают не только носителями информации, но и носителями «послания» – сообщения (см.: Никитин 1997: 4). Знаками в «широком» понимании («псевдознаками» – Никитин 1997: 4) здесь оказываются семиотические явления, у которых отправителя

может и не быть: для их «знаковости» достаточно наличия одного лишь интерпретатора. Так, знаковым в широком понимании оказывается гогот гусей, которые по преданию спасли Рим, хотя в их «коммуникативные намерения» никак не входило предупреждение обитателей Палатинского холма о нападении врагов. Знаками в «широком» понимании оказываются также и единицы генетического кода (молекулы ДНК и РНК), хотя вопрос об их отправителе повисает в воздухе: неизвестно, кто и зачем вложил в них информацию о наследственности.

Деление семиотических явлений на «знаки» и «незнаки» по типу связи между означающим и означаемым формально совпадает с их коммуникативным делением, когда знаками в «узком» понимании оказываются те, у которых эта связь конвенциональна, «по установлению», к физической природе «тела знака» никакого отношения не имеет (Ф. Соссюр), а знаками в «широком» понимании оказываются семиотические явления, у которых означающее и означаемое связаны помимо «договорного» любым способом (св. Августин, Ч. Пирс). Тогда «стоический» дым от костра будет знаком, если с его помощью предупреждают о приближении врага, а «незнаком» – если он указывает только на горение; цветок на окне будет знаком, если с его помощью по предварительной договоренности предупреждают о провале явки, и не будет таковым, если его выставила на окно хозяйка, чтобы он постоял на солнце и обогатился хлорофиллом.

И, наконец, «узкое» и «широкое» понимание знака может основываться на качественной характеристике означающего. В преобладающих в настоящее время «узких», «номиналистических» теориях знака в качестве означающего может выступать исключительно материальный объект, доступный восприятию органов чувств – «вещь», чем бы она ни была по своему физическому бытию – телом, зрительным образом, набором звуков и пр. (см.: Вдовина 2009: 12). Однако в «реалистических» теориях знака, господствовавших в Средневековье и восходящих к философии Платона с его вечным и неподвижным миром идей, порождающим бранный и изменчивый мир вещей, означающим могло быть и понятие как совокупность признаков, через которую познается сущность объекта – его идея: «Знак есть некоторая вещь, чувственная или

духовная, которая тем или иным способом, инструментально или формально, приводит нас к познанию другой вещи» (Вдовина 2009: 39). Можно сказать, что в реалистических теориях семиотические сущности удваиваются, а сам процесс познания инвертируется: слово отправляет к образу вещи (представлению, понятию), а через образ интуитивно уже познается прообраз этой вещи – её идея.

Если средневековый концепт – это «чистый смысл», никак, в принципе, не связанный с выразительными средствами, то ЛК-концепт имеет в качестве фиксированного означающего целый ряд вербальных единиц. Эвристическую модель «парения» концептов в составе концептосферы над концептуализированными областями (см.: Степанов 1997: 68), как представляется, в случае лингвокультурных, связанных с вербализацией концептов можно инвертировать и несколько модифицировать: вербальные средства выражения над смысловой областью концепта не просто «парят», но «стоят», как спутники на геостационарных орбитах, отражая в этой области свои семантические свойства.

Понятийная составляющая ЛК-концепта, раскрывающая его дискурсивный смысл, – это то общее, что ему достается от всего лексико-семантического комплекса вербализующих его единиц – своего рода коллективный интенционал.

Отличие культурного концепта от концепта-содержания (интенционала) логического понятия определяет наличие образной составляющей, поскольку культура – носительница символических форм и она символична по своей природе (см.: Колесов 2007: 161), а символ – это разновидность образа. Нужно заметить, что средневековый концепт – это не современное содержание понятия, а, скорее, нечто образное и чувственное – общее представление о предмете (см.: Вдовина 2009: 188), его «внутренний образ». Образная составляющая культурного концепта играет особую, инструментальную роль, поскольку она представляет собой своего рода средство выражения понятийного содержания последнего. В культурном концепте образ выступает означающим для той сверхчувственной и аксиологически маркированной идеи, к которой он отправляет и с которой его связывают отношения изоморфизма – определённого подобия, иконичности той или иной степени. В приложении к культурному

концепту символ – это знак, у которого план содержания представлен образом: в определённом смысле «двусторонняя психическая сущность» Ф. Соссюра, где, однако, вместо образа звука – образ предмета.

Объектом собственно лингвистического изучения культурный концепт становится с закреплением его содержания за комплексом языковых знаков – вербализацией, что означает приобретение им тем самым статуса концепта лингвокультурного и еще одной составляющей – значимостной.

С установлением более или менее фиксированной связи между культурным концептом и средствами его вербализации – превращением его в лингвокультурный концепт семиотическая структура вновь полученного знакового образования становится многослойной, амбивалентной и разнородной, поскольку здесь уже означающее само по себе представлено знаковой единицей – словом, у которого есть план выражения и план содержания, структурой, которую Р. Барт называет «коннотативной» (см.: Барт 1975: 157–158), где означаемое языковой единицы в определенной ситуации одновременно выступает и означающим концепта.

Понятийная составляющая ЛК-концепта как единицы преимущественно «обыденного (языкового) сознания» формируется, с одной стороны, из семантики членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт, и может быть извлечена из их словарных толкований. С другой стороны, если в число ЛК-концептов включать лишь обыденные аналоги мировоззренческих терминов (см.: Арутюнова 1999: 617) – смыслы, «возникающие в душе говорящего и направленные на душу слушающего» (Абеляр 1995: 84), которые соответствуют современным мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры (см.: Стѐпин 2001: 343), то наполнение понятийной составляющей может осуществляться за счет «обработанного продукта» – дефиниций, содержащихся в научных текстах: монографиях, статьях, отраслевых терминологических словарях.

В отличие от понятийной составляющей ЛК-концепта, его образная составляющая в значительной степени качественно разнородна сама по себе и разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, метафорически-образную, фиксирующую

метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закреплённые в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт, и каждая из этих «субкомпонент» обладает своей собственной, специфической знаковостью.

Так, очевидно, перцептивно-образная субкомпонента ЛК-концепта формируется преимущественно за счёт чувственных ассоциаций, связанных с вербальным знаком, отправляющим к содержанию этого концепта, и её означающим выступает непосредственно «телесная оболочка» слова.

В то же самое время метафорически-образная субкомпонента, *forcément* символичная, будучи означающим соответствующего вербального знака, сама в свою очередь представляет собой означающее какого-то идеального предмета, отличного от первоначального образа. Так, символом эпикурейского счастья – счастья-покоя и свободы от физических и душевных страданий – становятся образы *парусника, света, сна, золота и синевы*; «нигилистическую» интерпретацию (мимолетность, бренность) могут получить образы *птицы, ездока тройки, призрака, чего-то хрупкого*; концепцию счастья-молодости может символизировать *цветок*, а символом пассионарного, романтического счастья у Лермонтова становится «мятежный» *парус*. Наиболее частотным «образом любви» выступает такой стереотипизированный культурный символ, как *сердце*, из всех многочисленных «пейзажных зарисовок» среднерусской природы до уровня универсального символа «большой родины» поднимается *берёза*.

Подобным же образом реализуется и прецедентно-образная составляющая ЛК-концепта: в образе Вощева – героя платоновского «КОТЛОВАНА», воплощается вполне определенный «лингвокультурный типаж» (В. И. Карасик) российского искателя «всеобщего и долгого смысла жизни».

Несмотря на то, что предметом лингвокультурологических исследований является, главным образом, система вербальных средств выражения определённого концептуального содержания, и эти средства признаются неотъемлемой частью лингвокультурного концепта уже по умолчанию, они, по сути, отделяются от содержания этого концепта и существуют как бы сами по себе и параллельно последнему: можно сказать, что здесь

«концептосфера» вращается независимо от «вербосферы». Однако, как уже отмечалось, средства вербализации концепта – это, преимущественно, слова, а слова как полноценные знаки имеют свою собственную концептуальную часть – план содержания, семантику, с которой нужно как-то определяться: решить, входит ли она в содержание концепта или же существует сама по себе.

Очевидно, вполне логично было бы выделить специфически языковую семантику средств выражения ЛК-концепта в отдельную его составляющую: значимостную, в значительной мере определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка. Сюда войдут парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность (см.: Воркачѐв 2011: 68–69).

Что касается знаковости этой составляющей, то её означающим, естественно, будет слуховое либо графическое «тело» имени ЛК-концепта, а означаемым – совокупность системных связей языковых единиц тематического поля, задаваемого этим именем.

В принципе, все или почти все составляющие ЛК-концепта без особого труда выделяются в составе лексического значения любого однозначного слова: везде присутствует понятийная часть, обеспечивающая его смысловую определённую; в значении большей части лексем присутствует та или иная разновидность образности; естественно, здесь присутствует значимость и, наконец, коммуникативная релевантность денотата однозначного языкового знака свидетельствует о присутствии определенной ценности, вызвавшей к жизни само слово.

Постулат о том, что ЛК-концепт вербализуется целым рядом двуплановых языковых единиц, ставит проблему соотношения значения слова и семантики концепта: что и как переходит от лексического значения к содержанию концепта? Что в конечном итоге выступает означающим ЛК-концепта: знаковое «тело» вербализующих его единиц или же совокупность их значений, через которые «просвечивает» семантика концепта?

Совершенно определѐнно в содержание ЛК-концепта проецируется понятийно-дефиниционная часть семантики вербализующих его единиц, «скрепляющая» единство

тематической группы. Что касается дополнительной, дефиниционно избыточной семантики этих единиц, то, как представляется, к концепту переходят лишь культурно значимые смысловые признаки.

Лингвоконцептология – продолжение и развитие классической, структурной и функциональной семантики (см.: Карасик 2013: 93), обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин. В силу её узкой специализированности и неизвестности «широкой общественности» о существовании любителей-лингвоконцептологов пока что не слышно, однако среди лингвистов-профессионалов, последователей этого научного направления, попадаетея немало псевдолингвоконцептологов, активно использующих «всуе» её терминологический аппарат.

Первое появление ее базового термина – (*лингвокультурного*) *концепта* – приходится на начало 90-х годов прошлого века, и в эти же 90-е годы она прошла свою первую стадию – стадию формирования, сопровождаемую привычным сопротивлением научной среды: зачем «множить сущности», для лингвистики вполне достаточно и значения как базового семантического термина; ваш концепт уже описал Герман Пауль сто с лишним лет назад – смотрите: «вся совокупность представлений, содержащихся в душе человека» (Пауль 1960: 126), чем не концепт?

В настоящее время лингвоконцептология проходит свою вторую стадию – затяжную стадию расцвета и триумфального подъёма, чуть было не прерванную кризисом (см.: Воркачев 2011: 69); отношение к ней и её базовому термину радикально изменилось: «концепт» стал законодателем моды в российском языкознании, самым естественным образом появилось «лингвоконцептологическое эпигонство», и оказалось, что фактор моды по праву можно включать в число прочих признаков псевдонауки.

Пожалуй, наиболее доступным и четким признаком, позволяющим отделить научный дискурс от псевдонаучного, представляется адекватность-неадекватность употребления отраслевых терминов, в которых вербализуется понятийная область соответствующего научного направления – терминосистема. Терминосистема выступает тем самым

контрастным фоном, на котором «высвечивается» имитационность «провисающего» псевдотермина, который выпадает из этой системы, поскольку не связан с другими понятиями данного научного направления и представляет собой *flatus vocis* – «пустой звук», за которым не стоит никакого смысла либо стоят понятия другого научного направления.

В трудах российских языковедов, как отмечается (см.: Кашкин 2010: 296), в последнее время повторяется словосочетание «антропологическая парадигма», к адептам которой причисляют себя авторы этих трудов, где «антропологическая» выступает, очевидно, антонимом к «структурная». В «антропологическую парадигму» входят все научные направления, ориентированные на изучение человека как субъекта какой-либо деятельности, в том числе и речевой. Результатом предметной конкретизации «антропологической парадигмы» выступает «антропологическая лингвистика» (*anthropological linguistics*) – западный аналог российской лингвокультурологии, базовой составляющей и в некотором роде «вторым именем» которой является лингвоконцептология.

Имя «лингвоконцептология» в определенной мере двусмысленно, поскольку за ним скрывается не только концептология лингвокультурная, но и лингвоконцептология когнитивная, сформировавшаяся как направление даже несколько ранее первой в русле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как «общий когнитивный механизм» (см.: Кубрякова и др. 1996: 53; Бабушкин 1996: 9). Лингвистическая концептология, в задачи которой входит выявление средств вербализации концепта и моделирования его содержания, в конечном итоге методологически «встроилась» в лингвокультурную на этапе исследования понятийной составляющей лингвокультурного концепта в той мере, в которой последняя описывается с использованием мыслительных картинок, схем, фреймов, сценариев, инсайтов и пр.

Общепрофессиональная, лингвистическая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности – «парольные слова», включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная)

концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс».

Понятие «картины мира» как глобального образа мира, пришедшее в лингвистику из физики и философии в ходе «антропологического поворота» парадигмы гуманитарного знания, приняло вид «(этно)языковой картины мира» как совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка. Поскольку в языке фиксируется отнюдь не вся информация о мире, то языковая картина предметно беднее концептуальной, отличается от последней этнокультурной спецификой и консерватизмом.

Имя «концептосфера», обозначающее совокупность концептов вообще, образованное по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и введённое в научный обиход акад. Д. С. Лихачёвым, получая расширение «национальная, этническая, лингвокультурная», обозначает уже совокупность концептов лингвокультурных, выделяемых из языковой картины мира.

В свою очередь на национальной концептосфере выделяются по какому-либо признаку более дробные сегменты, включающие группы концептов: «концептуальные области (поля)», хотя, нужно заметить, концептуальная метафора сферы («шара») в случае концептосферы последовательно не проводится, и «концептосфера» обозначает как раз семантическую область: концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр.

Под языковой личностью в лингвокультурной концептологии понимается закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки, ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре – личность словарная, этносемантическая (см.: Воркачёв 2001: 66; Карасик 2004: 22), которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы.

Любая личность – индивидуальная или групповая – имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нём, обладает собственным характером и присущими только ей стереотипами поведения и все это, безусловно, отражается в её языке. Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих,

психологических и поведенческих установок языковой личности как усреднённого представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер – понятия соположенные и пересекающиеся и в лингвокультурологических исследованиях часто неразличающиеся.

Понятие дискурса как текста в единстве с экстралингвистическими условиями его реализации включено в терминосистему лингвоконцептологии через её базовый термин – лингвокультурный концепт, выполняющий функцию организующего начала дискурса, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный – вокруг концептов «вера» и «Бог» и пр.

Напрямую – через свою лексическую основу – в терминосистему лингвоконцептологии включено понятие концептуализации: процесса и результата «сотворения» концепта – структурирования знаний о мире. Соответственно, терминологическое наполнение этого понятия зависит от понимания концепта как *лингвокультурной* сущности: языковая концептуализация – это обогащение семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие (см.: Исаева 2012: 58–59).

Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует, прежде всего, сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

В предельно широкое определение лингвокультурного концепта как единицы коллективного знания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой (см.: Воркачев 2001: 70) свободно укладываются и вначале соперничавшие с ним «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема», и его сегодняшний аналог «семантическая константа».

Внутри этих родовых, дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов (см.: Воркачѐв 2011: 66–67), как

разноимённые («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путём адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллокутивные, регулятивные, параметрические и пр. концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жёсткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концептуальной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой в свою очередь из языковой картины мира, в то время как языковая личность – носитель языкового менталитета – представляется субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы, а концептуализация – формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

В своей массе единицы терминологического ряда лингвоконцептологии соответствуют большей части требований, предъявляемых к «идеальному термину», характеризующему такими признаками, как лексическая и словообразовательная системность, наличие словарной пометы, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологической области, стилистическая нейтральность, наличие дефиниции, отсутствие синонимии, точность, номинативность, независимость от контекста (см.: Алимуратов и др. 2011: 15–20), куда можно было бы ещё добавить отсутствие антонимии.

Так, например, базовый термин «лингвокультурный концепт», безусловно, отличается словообразовательной системностью («лингвоконцептология», «лингвоконцептологический анализ» и пр.), однако о наличии словарных помет говорить не приходится, поскольку в толковых словарях он отсутствует. Он стремится, насколько это у него получается, к однозначности и стилистически нейтрален в границах научного дискурса, у него имеется дефиниция. Он номинативен в том смысле, что отправляет к реалии исследовательского аппарата определённой научной области, а вот что касается точности, независимости от контекста и отсутствия синонимии, то здесь можно заметить, что его точность, в принципе, ограничивается контекстом теории,

создаваемой определённой «школой» лингвоконцептологии либо отдельным исследователем, а наличие синонимов напрямую зависит от понимания его сущности последователями этих «школ».

Вместе с тем, в общем и целом, на фоне терминосистем естественных наук терминосистему лингвоконцептологии отличает определенная аморфность и «размытость» определений терминов, присутствие в ней синонимии, что свидетельствует, очевидно, как о «гуманитарной» ориентации этого научного направления, так и о динамизме его развития.

Однако нечёткость и в какой-то мере даже двусмысленность определений лингвоконцептологических терминов следует, как представляется, главным образом из неопределённости понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика *лингвокультурного* концепта: берётся ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная. Определённую роль здесь играет также неразличение национальной ментальности как общего мировидения носителей языкового сознания и менталитета как совокупности её специфических черт.

Несмотря на существенный разброс во мнениях и сущности лингвокультурного концепта внутри его предельно широкого определения, о котором уже говорилось и которое в общих чертах совпадает с определением концепта А. А. Вежицкой («Объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определённые культурно-обусловленные представления человека о мире “Действительность”»), в понимании его отличительных признаков на сегодняшний день уже существует определенный консенсус. Основными, обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются: 1) многомерность как следствие его синтетизма – наличие семантически разнородных составляющих; 2) иерархичность, системная зависимость признаков; 3) этноспецифичность. В число его дополнительных, факультативных признаков попадают: номинативная плотность как множественность способов вербализации; дискурсная (социокультурная, онтогендерная, аксиологическая) вариативность и дискурсоцентричность – способность выступать в качестве организующего начала дискурса.

Как представляется, можно утверждать, что лингвокультурологическое понимание концепта ограничивается с одной стороны понятием как логической категорией совокупности существенных признаков объекта, а с другой – значением как совокупностью семантических признаков, закреплённых за определенной единицей языка.

И если речь идет о «псевдолингвокультурном концепте», то имеется в виду употребление термина «лингвокультурный концепт» либо в контексте «понятия», либо в контексте «значения», либо вообще произвольно, когда «концептом» называют всё что угодно, фрейм, например (см.: Савицкий 2012: 59), руководствуясь исключительно лингвистической модой.

Несмотря на свои некоторые «врождённые пороки», в частности, отсутствие межъязыковых переводческих аналогов, в конкурентной борьбе 90-х годов прошлого века «концепт» одолел своих протерминологических соперников (см.: Воркачев 2007: 18) и, естественно, хотелось бы выяснить причины доминирования именно «концепта» в лингвокультурологической терминологии.

Как представляется, причины эти коренятся, главным образом, в том, что слово «концепт» как протермин находит опору в лексической системе русского литературного языка, с одной стороны. С другой стороны, его также поддерживает употребление как в современной обиходной речи, так и в общенаучном и «паранаучном» дискурсе.

В русской лексикографии «умное», «учёное» слово, *концепт* как синоним понятия фиксируется лишь двумя толковыми словарями: «**Концепт** [латин. *conceptum*] (филос.). Общее понятие, общее представление» (Ушаков 2000, т. 1: 1455); «**Концепт**, [лат. *conceptus* – понятие, мысль, представление]. 1. Лог. Содержание понятия. 2. Книжн. = Концепция» (Кузнецов 1998: 454). В качестве логического термина он присутствует в энциклопедическом словаре: «**Концепт** (от лат. *conceptus* – мысль, понятие), смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объём которого есть предмет (денотат) этого имени» (СЭВ 1983: 623).

Уже из этих определений «концепта» и из самого факта включения лишь в несколько толковых словарей видно, что эта лексема для носителей русского языка на фоне её ближайшего синонима «понятие» представляется несколько «экзотической»

(кстати, частотными словарями она не фиксируется), что у неё отсутствует живая «внутренняя форма» и что она выступает гиперонимом для практически всех семантических ментефактов – мысль, общее представление, смысл, сигнификат, концепция, понятие, теория и др.

«Концепт» в отличие от «понятия» не вошёл полностью в обиходный дискурс и остается частью дискурса научного, что избавляет эту лексику от необходимости ретерминологизации при включении в терминосистему лингвоконцептологии. В лексической системе языка у неё имеется целый ряд «поддерживающих» её производных: «концепция», «концептуализация», «концептологизация», «концептуализм», «концептуалист» и пр.

3. Результаты и выводы

Теперь, очевидно, можно сделать некоторые заключения.

Эволюция имени «концепт» происходила за счёт его атрибутивного расширения: концепт-синоним понятия сначала стал «культурным концептом», а затем и «лингвокультурным». В ходе этой эволюции его семантическая структура количественно и качественно усложнилась: к понятийному содержанию, отражающему дефиниционно существенные признаки объекта, добавились образная составляющая, включающая культурно значимые символические и ценностные смыслы, и собственно языковая, «значимостная», отражающая включённость имени концепта в лексическую систему конкретного естественного языка.

С установлением более или менее фиксированной связи между культурным концептом и средствами его вербализации – превращением его в лингвокультурный концепт семиотическая структура вновь полученного знакового образования становится многослойной и разнородной, поскольку здесь означающее само по себе представлено знаковой единицей – словом, у которого есть план выражения и план содержания, структурой, где означаемое языковой единицы в определённой ситуации одновременно выступает и означающим концепта.

Вербализация ЛК-концепта целым рядом двухплановых языковых единиц ставит проблему соотношения значения слова и семантического наполнения концепта – проблему выяснения,

каким образом значение слова проецируется на содержание концепта и что в конечном итоге выступает означаемым ЛК-концепта: знаковое «тело» вербализующих его единиц или же совокупность их значений, через которые «просвечивает» семантика концепта.

Отличить «лингвокультурный концепт» от одноименного псевдотермина возможно лишь на общем фоне терминосистемы лингвоконцептологии, включающей вместе с ним такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс», имена составляющих лингвокультурного концепта и его разновидностей.

Псевдоконцепт из этой терминосистемы «выпадает», когда «лингвокультурным концептом» называют либо «понятие», либо «значение», либо вообще все что угодно, руководствуясь исключительно лингвистической модой.

Превращение именно «концепта» в базовый термин лингвокультурологии представляется неслучайным: причины его терминологизации коренятся преимущественно в том, что слово «концепт» в отличие от терминологических новообразований находит опору в лексической системе русского литературного языка и «подпитывается» употреблением как в современной обиходной речи, так и в общенаучном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

- Абеляр, П. Теологические трактаты. – Москва: Гнозис, 1995. – 441 с.
- Алимурадов, О. А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) / О. А. Алимурадов, М. Н. Лату, А. В. Раздужев. – Пятигорск: СНЕГ, 2011. – 112 с.
- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежский ГУ, 1996. – 104 с.
- Барт, Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». – Москва: Прогресс, 1975. – С. 114–192.

Вдовина, Г. В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. – Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 648 с.

Воркачёв, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачёв, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.

Воркачёв, С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.

Исаева, Л. А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2012. – № 2. – С. 58–60.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карасик, В. И. Языковая матрица культуры. – Москва: Гнозис, 2013. – 320 с.

Кашкин, В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. – Воронеж: Воронежский ГУ, 2010. – 383 с.

Колесов, В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. – Санкт-Петербург: Logos, 2007. – 384 с.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва: МГУ, 1996. – 245 с.

Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.

Никитин М. В. Предел семиотики // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 3–14.

Пауль, Г. Принципы истории языка. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

Савицкий, В. М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии. – Самара: ПГСГА, 2012. – 124 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

СЭВ – Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 1600 с.

Стёпин, В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 2. – Москва: Мысль, 2001. – С. 341–347.

Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель-АСТ, 2000.

Чёрч, А. Введение в математическую логику. – Т. 1. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 484 с.

REFERENCES

Abelar [Abélard], P. (1995). *Teologičeskije traktaty* [Theological Treaties]. Moscow: Gnosis.

Alimuradov, O. A., Latu, M. N., Rasdujev, A. V. (2011). *Osobennosti struktury i funkcionirovanija otraslevykh terminosistem (na primere terminosistem nanotekhnologii)* [Structural and Functional Peculiarities of Branch Terminological Systems (on the Material of Nanotechnologies)]. P'atigorsk: SNEG.

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Jazyki russkoi kul'tury.

Babushkin, A. P. (1996). *Typy kontseptov v leksiko-frazeologičeskoi semantike yazyka* [Concepts Types in the Lexical and Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh: Voronezh UP.

Bart, R. (1975). *Osnovy semiologii* [Foundations of Semiology]. In *Sructuralism: "Pro" and "Contra"*. Moscow: Progress.

Cherch, A. (1960). *Vvedeniye v matematičeskuyu logiku. T. 1* [Introduction in Mathematical Logic. V. 1]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

Isaeva, L. A. (2012). O sootnoshenii pon'atij "kontseptualizatsiya", "stereotipizatsiya" i "pretsedentizatsiya" [On the Correlation of the Notions "Conceptualization", "Stereotyping" and "Precedenting"]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2, 58-60.

Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnosis.

Karasik, V. I. (2013). *Yazykovaja matritsa kul'tury* [Language Matrix of the Culture]. Moscow: Gnosis.

Kashkin, V. B. *Paradoksy granitsy v yazyke i kommunikatsii* [Border Paradoxes in Language and Communication]. Voronezh: Voronezh UP.

Kolesov, V. V. (2007). *Realizm i nominalizm v russkoj filisofii yazyka* [Realism and Nominalism in Russian Language Philosophy]. Sankt-Petersburg: Logos.

Kubriakova, E. S., Demjankov, V. Z., Pankrats Y. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of the Cognitive Terms]. Moscow: Moscow UP.

Kuznetsov, S. A. (1998). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian]. Sankt-Petersburg: Norint.

Nikitin, M. V. (1997). *Predel semiotiki* [Semiotics Limit]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3-14.

Paul, G. (1960). *Printsypy istorii yazyka* [Principles of History of Language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

Savitskiy, V. M. (2012). *Ideya, skhvacennaja znakom. Neskol'ko voprosov po povodu objekta linguokontseptologii* [Idea Caught by Sign. Some Questions about Linguistic Conceptology Object]. Samara: PGSGA.

SEV (1983) – *Sovetskij entsiklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija.

Stepanov, Y. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russoj kul'tury. Opyt issledovanija* [Constants. Russian Culture Dictionary. Investigation attempt]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Stepin, V. S. (2001). Kul'tura [Culture]. In: *Novaja filosofskaja entsiklopedija* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'.

Ushakov, D. N. (2000). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian: in 4 v.]. Moscow: Astrel-AST.

Vdovina, G. V. (2009). *Jazyk neochevidnogo. Uchenija o znakakh v skhlostike 17 v.* [The Language of the Non-obvious. Semiotic Doctrines in 17-th Century Scholastics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.

Vorkachev, S. G. (2001). Linguokul'turologija, yazykovaja lichnost', kontsept: stanovlenije antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Anthropological Linguistics, Language Personality, Concept: Anthropocentral Paradigm of Linguistics Coming into Being]. *Filologicheskije nauki*, 1, 64-72.

Vorkachev, S. G. (2007). Linguokul'turnaja kontseptologija: stanovlenije i perspektivy [Linguacultural Conceptology: Coming into Being and Perspectives]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 66(2), 13-22.

Vorkachev, S. G. (2011). Rossijskaja linguokul'turnaja kontseptologija: sovremennnoje sostojanije, problemy, vector razvitija [Russian Linguacultural Conceptology: Nowadays State, Problems, Evolution Vector]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 70(5), 64-74.

Воркачѐв Сергей Григорьевич
Кубанский государственный
технологический университет,
2-й Севастопольский проезд, 20,
Краснодар, 350049
svork@mail.ru

Sergey G. Vorkachev
Kuban State Technological University
2nd Sevastopolsky proezd, 20
Krasnodar, 350049, Russian Federation
+7 918 494 45 80